

А. А. ЮРИЦИН

серия наука

**ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИОННЫХ
ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ
КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ
ЗАКУПОК ДЛЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И
МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД**

Монография

ЮСТИЦ **ИНФОРМ**

Александр Юрицин

**Особенности механизма
правового регулирования
организационных отношений
в рамках контрактной системы
закупок для удовлетворения
государственных и
муниципальных нужд**

«Юстицинформ»

2017

УДК 346.22
ББК 67.402+67.404.2

Юрицин А. А.

Особенности механизма правового регулирования организационных отношений в рамках контрактной системы закупок для удовлетворения государственных и муниципальных нужд / А. А. Юрицин — «ЮСТИЦИНФОРМ», 2017

ISBN 978-5-7205-1406-8

В монографии представлен авторский взгляд на методологические особенности изучения системы закупок для удовлетворения государственных и муниципальных нужд. Автор обращает внимание на широкий круг вопросов, связанных с паритетным участием частных лиц в отношениях с публичными заказчиками, регулированием контрактных правоотношений, проблемами юрисдикционной защиты прав участников закупок, коллизиями норм права. Работа содержит рекомендации по совершенствованию закупочного законодательства и решению выявленных проблем. Монография предназначена для ученого сообщества, правоприменителей и особенно для будущих поколений законодателей.

УДК 346.22
ББК 67.402+67.404.2

ISBN 978-5-7205-1406-8

© Юрицин А. А., 2017
© Юстицинформ, 2017

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
§ 1. Понятие и юридическая природа отношений, связанных с удовлетворением государственных и муниципальных нужд	9
§ 2. Содержание правоотношений как признак организационных отношений в рамках контрактной системы удовлетворения государственных и муниципальных нужд	13
§ 3. Особенность объекта правоотношения как признака организационных отношений в рамках контрактной системы удовлетворения государственных и муниципальных нужд	19
§ 4. Цель правоотношения как признак организационных отношений в рамках контрактной системы удовлетворения государственных и муниципальных нужд	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

А.А. Юрицин
Особенности механизма
правового регулирования
организационных отношений в рамках
контрактной системы закупок для
удовлетворения государственных и
муниципальных нужд. Монография

Рецензент:

Соломонов Е.В. – кандидат юридических наук, доцент.

A.A. YURITSIN

**PECULIARITIES OF THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF
ORGANIZATIONAL RELATIONS IN THE FRAMEWORK OF THE CONTRACT
PROCUREMENT SYSTEM FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS MONOGRAPH**

Moscow

YUSTITSINFORM

2017

Reviewer:

Solomonov E.V. – PhD in Law, Associate Professor.

Yuritsin A.A.

Peculiarities of the mechanism of legal regulation of organizational relations in the framework of the contract procurement system for state and municipal needs: monograph / A.A. Yuritsin – M.: Yustitsinform, 2017. – 150 p.

978-5-7205-1406-8

The monograph presents the author's view on the methodological features of studying the procurement system to meet state and municipal needs. The author draws attention to a wide range of issues related to the parity participation of private individuals in relations with public customers, the regulation of contractual relationships, the problems of judicial protection of procurement participants' rights, conflict of laws. The work contains recommendations for improving procurement legislation and addressing identified problems.

The monograph is intended for the academic community, law enforcement and especially for future generations of legislators.

Key words: procurement legislation, contract procurement system, organizational relations, mechanism of legal regulation, social supervision, judicial protection of rights, effectiveness of legal regulation, conflict of laws, essential terms of the contract, public-private partnership, legal liability, the interpretation of law.

Предисловие

Эффективность функционирования системы удовлетворения государственных, муниципальных нужд, а также потребностей ряда юридических лиц, учрежденных публично-правовыми образованиями (далее – публичные нужды), всегда вызывает как общественный интерес широких слоев общества, так и сугубо научный, в рамках деятельности представителей базовых юридических наук, как то: государственное, административное, гражданское право. Ключевой вопрос, возникающий в рамках исследования системы публичного заказа, – определение эффективности функционирования системы, а также выявление существенных недостатков существующего правового регулирования и поиск вариантов для их устранения.

Представляется, что, с научной точки зрения, важным является изучение закупочного законодательства сквозь призму специальных теоретических конструкций, позволяющих, с одной стороны, рассмотреть динамику развития правоотношений, урегулированных специальным законодательством, с другой – попытаться познать природу данных отношений, безотносительно их отраслевой принадлежности. Полагаем, обозначенным задачам корреспондируют такие теоретические понятия, как механизм правового регулирования – один из фундаментальных инструментов теории права, позволяющий в динамике исследовать процесс правового регулирования, а также теория организационных отношений, существующих в рамках различных отраслей права. Исследование закупочного законодательства под углом зрения данных конструкций позволяет абстрагироваться от радикальных взглядов о принадлежности темы исследования к наукам административного или гражданского права, позволяет изучить закупочную деятельность как особую разновидность правоотношений, понять их специфику и проблематику.

Немаловажными факторами, усиливающими актуальность исследования, являются данные статистики, демонстрирующие отрицательные тенденции системы публичных закупок.

По информации Федеральной службы государственной статистики, в 2012 г. для удовлетворения государственных нужд было проведено 11 918 602 случая размещения заказов, по результатам проведения которых заключено 11 853 114 договоров, в 2013 г. количество случаев размещения заказов равнялось 14 576 282, по результатам проведения которых было заключено договоров в количестве 14 515 651.

Интересно, что в 2014 г. показатели резко изменились: общее количество случаев размещения заказов равнялось 6 800 039, по результатам которых было заключено 6 691 999 контрактов. В среднем, в 2014 г. по сравнению с 2012 г. и 2013 г. количество случаев размещения заказов уменьшилось в 1,95 раза, при этом, если в 2012 г. договоры были заключены в 99,45 % случаев размещения, а в 2013 г. – в 99,58 %, то в 2014 г. показатель снизился до 98,41 %. Несмотря на, казалось бы, абсолютные значения случаев заключения договоров по результатам реализации способов определения поставщиков, в 2012 г. незаключенными остались 65 448 договоров, в 2013 г. – 60 361, а в 2014 г., несмотря на кратное падение численности проведенных закупок, количество незаключенных договоров составило 108 040 штук, что превышает данные за 2012 г. и 2013 г. в среднем в 1,71 раза. Необходимо понять причины столь негативных изменений.

В целом, нет оснований говорить о слабой разработанности как вопросов публичного заказа и его проблематики, так и теоретических конструкций механизма правового регулирования и организационных отношений. Напротив, за многие годы исследований накопился значительный материал, однако, в научной литературе отсутствует разработка таких вопросов как анализ организационных отношений публичного заказа, а также изучение механизма

правового регулирования отношений по удовлетворению публичных нужд. Данные обстоятельства обозначают потребность теоретического осмысления системы построения закупочного законодательства, а также выявления и разрешения проблем практического характера.¹

¹ Федеральная служба государственной статистики: показатели закупочной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (22.02.2015).

Глава 1

Организационные отношения в рамках контрактной системы закупок для удовлетворения государственных и муниципальных нужд

§ 1. Понятие и юридическая природа отношений, связанных с удовлетворением государственных и муниципальных нужд

В науках гражданского и административного права имеется немало отношений, чье регулирование, в первую очередь с претензией на применение особенностей отраслевого метода, однозначно сложно отнести к той или иной отрасли законодательства.

Традиционно положения об удовлетворении государственных и муниципальных (далее – публичных) нужд (в т. ч. нужд публичных юридических лиц, под которыми в настоящей работе понимаются заказчики, перечисленные в ФЗ «О контрактной системе», не являющиеся органами власти), находятся в соответствующем разделе Гражданского кодекса РФ² и рассматриваются как часть отечественного гражданского права, однако толкование положений кодекса не позволяет относить акты, регулирующие закупочную деятельность к законам, принятым в соответствии с ГК РФ (п. 2 ст. 3). Напротив, устанавливается режим субсидиарного действия норм иных законов в части регулирования отношений по удовлетворению публичных нужд в части, не регламентированной гражданским кодексом (абз. 2 п. 2 ст. 525, ст. 768 ГК РФ).

Судебная практика содержит немало примеров обращений к положениям ГК РФ³ по различным вопросам исполнения контрактных обязательств, например, к общим требованиям исполнения обязательств, способам обеспечения их исполнения, к вопросам исполнения отдельных договоров⁴, к общим положениям о договоре⁵.

С другой стороны, во-первых, деятельность по удовлетворению публичных нужд, содержит заметные изъятия из частно-правового режима регулирования отдельных аспектов отношений, во-вторых, нормы закупочного законодательства содержат императивно сформулированные правила, рассчитанные на исполнение властвующими субъектами, что не позволяет говорить об их исключительно гражданско-правовой природе. В-третьих, суды отмечают, что ошибочной является позиция правоприменителей, относящих закупочное законодательство исключительно к процедурному праву, что предполагает наличие у них самостоятельного материального содержания⁶. Однако, тяготение закупочного законодательства к имущественной сфере, основы регулирования отношений по исполнению обяза-

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ (в ред. от 29.06.2015) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31.01.2016) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴ См., например: Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 февраля 2014 г. по делу № А08-4356/2013. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

⁵ См., например: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 июня 2015 г. по делу № А34-6438/2014. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

⁶ См., например: Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 10 мая 2005 г. по делу № А07-35858/04. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

тельств, направленных на удовлетворение публичных нужд, также не позволяют однозначно судить и об административной природе данного законодательства.

Представляется, что, так или иначе, любые отношения, возникающие в целях удовлетворения публичных нужд, должны рассматриваться сквозь призму их особого понимания как механизма, обеспечивающего баланс законности и целесообразности, позволяющим достигнуть качественной характеристики закупок – эффективности их проведения. Однако подобное понимание неизбежно приводит к второстепенной, но, тем не менее, несколько не лишней роли закупочного механизма.

Изучение контрактной системы сквозь призму отраслевого законодательства – подход дискуссионный⁷, настолько, что авторы едва ли когда-либо придут к консенсусу. Аргументы различных сторон сильны и порой исключают друг друга. Полагаем, что столь противоречивые результаты – следствие многообразия закупочных отношений, избранных для построения аргументации своих позиций.

В связи с изложенным, представляется уместным рассмотреть закупочную деятельность публичных субъектов сквозь призму теории организационных отношений, безотносительно их принадлежности к отраслям права. Однако возможности существования организационных отношений в различных отраслях права ученые и по сей день оценивают неоднозначно.

По мнению О. А. Красавчикова, в рамках любой отрасли права, будь то гражданское, административное или иное другое, всегда существует группа отношений по упорядочению связей, субординации и координации усилий в процессе достижения определенной цели⁸. М. М. Агарков, напротив, считал организационные отношения всецело предметом административного права, т. е. в их основе должны лежать отношения власти-подчинения⁹. Нужно отметить, что подобные взгляды существуют и в современной науке. Так, Н. М. Конин рассматривает предмет административного права как совокупность различных видов организационных отношений¹⁰. Однако, нужно учитывать, что указание на невозможность подобных отождествлений, вызванных общим императивным характером связей в рамках организационных отношений, отмечал еще С. Н. Братусь¹¹.

По мнению О. С. Иоффе, даже организационная деятельность властвующих субъектов не может быть сконцентрирована исключительно в рамках административных отношений, так, необходимость быть субъектом гражданско-правовых отношений требует установления режима юридического равенства сторон¹², что не исключает наличие организационной составляющей связей сторон.

Применительно к предмету гражданского права, сторонников организационных отношений найти довольно-таки сложно. Так, С. С. Алексеев отмечал их безусловную принадлежность к двум основным группам отношений, составляющих основу гражданского права. Свои выводы он делает на основании объекта отношений, который, будучи материальным благом, позволяет квалифицировать организационное отношение к разряду имущественных¹³, и наоборот, применительно к отношениям, не обладающим имущественной природой. Однако всегда ли в рамках правоотношения можно столь однозначно выделить его

⁷ См. подробнее: Дадаев Р. В. К вопросу о гражданско-правовом регулировании отношений по удовлетворению государственных нужд [Электронный ресурс] // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 8. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁸ Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения. М., 2001. С. 159.

⁹ Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 29–30.

¹⁰ Конин Н. М. Административное право России в вопросах и ответах. М., 2010. С. 11–14.

¹¹ Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 131.

¹² Иоффе О. С. Указ. соч. С. 33–35.

¹³ Явковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. 19.

объект, особенно если имеется сложное правоотношение, заключающее в себе множество других, в т. ч. направленных на упорядочение поведения субъектов?

Как отмечал О.А. Красавчиков, существо возражений сводилось к тому, что собственно организационные отношения, построенные на началах равенства и координации, гражданским правом не регулируются, ибо они неразрывно связаны с отношениями имущественными. С другой стороны, как он сам отмечает, экономика, основанная на плановом ведении хозяйства, попросту не может обойтись без организации процесса хозяйственной деятельности¹⁴. Представляется, что с учетом требований действующего законодательства, устанавливающего обязательность разработки и утверждения планов закупочной деятельности, данные замечания не потеряли своей актуальности. И далее, автор отмечал, что подобные отношения складываются, в первую очередь, в деятельности предприятий и организаций в процессе налаживания экономических связей. В виду отсутствия власти-подчинения между субъектами, данные отношения должны регулироваться нормами гражданского права. В качестве примеров автор приводил организационные отношения, возникающие в процессе заключения договоров поставки, перевозки грузов, т. е. в указанных случаях имущественное отношение еще не возникло, а стороны уже связаны друг с другом взаимными правами и обязанностями¹⁵.

А. Г. Певзнер, обосновывая свой подход к содержанию правоотношения, по сути проиллюстрировал существование организационных отношений на примере заключения сделки под условием, когда между сторонами уже имеется некая правовая связь, еще не перешедшая на стадию имущественных отношений, с конкретными правами и обязанностями¹⁶. На организационный характер отношений наводит еще одна мысль А. Г. Певзнера – о необходимости полностью сформировать юридический состав для возникновения основного отношения. В отличие от А. Г. Певзнера, О. А. Красавчиков обосновывал организационный характер отношений через наличие между сторонами прав и обязанностей, ведь тем самым преодолевается пропасть между юридическим фактом связанности и конкретными имущественными отношениями, что позволяет придать отношениям характер правовых, т. е. регламентированных правом в целях стабилизации гражданского оборота.

Не отрицал факта существования организационных отношений и С. Н. Братусь. Он верно разграничивал организационные и имущественные отношения, ибо между ними не всегда есть строгая детерминация, что предполагает автономность их существования, однако, организационные отношения он выделяет как противопоставление отношениям административным, как обоснование необходимости децентрализовать управление публичным имуществом, что предполагает использование режима ограниченных вещных прав. Тем самым организационные отношения, по мнению С. Н. Братуся, есть отношения по распоряжению публичным имуществом, закрепленным на ограниченных вещных правах за различными организациями, но не от имени руководящих органов власти, а от имени публично-правового образования в целом¹⁷.

Тем самым, организационные отношения представлены как нечто заменяющее прямое административное управление, но, тем не менее, основанное на принципе власти-подчинения. Конечно, подобный уклон в область субординационных связей обусловлен спецификой исторических условий научных изысканий обозначенных выше авторов, что, безусловно, нужно учитывать при познании сущности организационных отношений.

¹⁴ Советское гражданское право. В 2 т. Т. 1 / Под ред. О. А. Красавчикова. М., 1985. С. 14–16.

¹⁵ Советское гражданское право. В 2 т. Т. 1 / Под ред. О. А. Красавчикова. М., 1985. С. 15–16.

¹⁶ Певзнер А. Г. Указ. соч. С. 13–16.

¹⁷ Братусь С. Н. Предмет и метод советского гражданского права. М., 1963. С. 21–24.

В связи с изложенными точками зрения и доводами уместно проанализировать теоретические изыскания О. А. Красавчикова относительно его видения организационных отношений, а также рассмотреть с их помощью систему удовлетворения публичных нужд. Автор обосновал наличие не просто организационных отношений, а впервые указал на их существование в рамках любой из отраслей права, что, несомненно, предполагает их существование и в рамках гражданского права, с присущими ему особенностями метода правового регулирования.

Тем самым, можно перенести область исследования с отношений, возникающих между различными уровнями органов власти, а также органов и созданных ими юридических лиц (далее – публичные организации), на процедуру подготовки и заключения договоров (контрактов) между публичными организациями и частными поставщиками товаров, исполнителями работ и услуг, постараться обосновать организационную природу данных отношений, на что прямо указывал О. А. Красавчиков¹⁸.

Таким образом, закупочная деятельность публично-правовых субъектов, выражающаяся в правоотношениях с частными лицами, обладает спецификой, которую сложно познать посредством обращения к радикально отраслевым взглядам на данный вопрос, что требует ее изучения посредством специальных теоретических конструкций.

Интересно, что О. А. Красавчиков во многом доказывал существование данных отношений на примере закупочной деятельности публично-правовых субъектов. Для большей убедительности принадлежности закупочной деятельности к рангу организационных отношений, а также для ее дальнейшего исследования в ключе данной теории необходимо проанализировать признаки организационных отношений и сравнить их с положениями действующего законодательства, в частности с Федеральным законом от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

¹⁸ Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения. С. 160–161.

§ 2. Содержание правоотношений как признак организационных отношений в рамках контрактной системы удовлетворения государственных и муниципальных нужд

Первый признак, выделяемый О. А. Красавчиковым – особенность содержания организационного отношения. Он предполагает несколько иной характер содержания, отличного от имущественного, трудового, неимущественного: оно складывается из организационных действий, направленных на упорядочение (нормализацию) основных отношений¹⁹. Тем самым, содержание организационного отношения включает в себе неимущественные, неличные нетрудовые и никакие иные (отраслевые) последствия. Представляется, что под упорядочением, в первую очередь, имеются в виду фактические и юридические действия, направленные на накопление юридических фактов фактического состава, полный набор которых позволяет перейти к началу формирования юридического состава основного отношения, в реализации которого и заинтересованы стороны.

Ввиду наличия дискуссий относительно понятия содержания правоотношений, представляется необходимым проанализировать различные точки зрения на предмет их непротиворечивости организационным отношениям.

С. С. Алексеев отмечал наличие юридического содержания, представленного субъективными правами и юридическими обязанностями, а также материального, проявляющегося в фактических действиях²⁰. Оба компонента соотносятся как должное и действительное проявление субъективных прав и юридических обязанностей. Данную позицию разделяют и современные исследователи, например, Л. А. Морозова²¹. Н. И. Матузов добавляют к этому перечню волевою составляющую, заключающую в себе государственную волю²². В. В. Лазарев, напротив, сводит содержание исключительно к юридической составляющей, т. е. к потенциальным действиям субъектов²³.

Последней точки зрения придерживался и М. М. Агарков, однако, данная позиция обладает чертами утопичности и идеальности, ведь автор полностью исключил из нее фактические действия, которые могут отклоняться от стандартных юридических прав и обязанностей, т. е. вызвать правонарушение²⁴.

Подобного разграничения не делает А. В. Мицкевич, отмечая единство прав и обязанностей участников отношения, а также реальных действий по их использованию и осуществлению²⁵.

Л. С. Явич, предвосхищая ошибочность данных позиций, отмечал, что правоотношение, в отличие от общих правовых связей, обладает исключительно конкретным поведением, т. е. включает в себя только реализованные права и обязанности²⁶. При этом права и обязан-

¹⁹ Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения. С. 162.

²⁰ Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 112–114.

²¹ Морозова Л. А. Теория государства и права. М., 2010. С. 238–239.

²² Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2004. С. 209–210.

²³ Общая теория государства и права / под ред. В. В. Лазарева. М., 1996. С. 184–186.

²⁴ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 32–41.

²⁵ Проблемы общей теории права и государства / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2004. С. 377.

²⁶ Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 210–211.

ности, олицетворяющие категорию возможного, он полностью относит к общим правовым связям. С данной позицией солидарен М. Н. Марченко²⁷.

Приведение действий участников к тождеству с содержанием приводит к тому, что момент исполнения и возникновения обязательств совпадают. Таково мнение О. С. Иоффе. Кроме того, им отмечается нарушение диалектики формы и содержания подобных конструкций. Однако он недопустимо связывает момент реализации правомочий и исполнения обязательств с прекращением правоотношения. В итоге констатируется вывод, о том, что содержанием гражданского правоотношения выступают субъективные право и юридическая обязанность, а его формой выступает само правоотношение²⁸.

Подобные выводы, связанные с противопоставлением субъективного права и юридической обязанности как абстрактных явлений, отражающих категорию возможного и одновременно составляющих содержание отношений, и фактическими правами и обязанностями сторон с другой стороны, делает А. Г. Певзнер²⁹.

Сам О. А. Красавчиков придерживался мнения, что содержанием правоотношения, гражданско-правового, в частности, являются гражданские права и обязанности, из которых складывается правовая связь³⁰. Тем самым, автор концепции организационных отношений, построенных на началах координации, придерживался довольно распространенной точки зрения, базирующейся на потенциальных возможностях субъектов.

С другой стороны, рассмотрение вопроса о конкретном и/или абстрактном содержании правоотношений должно исходить из осознания отличий нормы права, регламентирующей правоотношение, от поведения участников отношения. Норма обладает исключительно абстрактным содержанием, что выражается в ее нормативности и возможности многократного применения к однородному поведению различных субъектов. В этой связи действия участников отношения всегда конкретны по отношению к их регулятору. Вводимый многими учеными элемент абстрактности, выражающийся в обширных альтернативах поведения участников, является свидетельством не столько абстрактного содержания правоотношений, сколько юридическими фактами, влекущими возникновение, изменение и прекращение правоотношений.

Пределы правового регулирования обозначают широкий спектр правового поведения участников. Тогда следование модели отношений, закрепленной нормой права, или факт неправомерного поведения соответственно будут свидетельствовать или о совершении конкретных правомерных действий во исполнение нормы права, или о совершении неправомерного поведения, которое также будет являться конкретным, но уже по отношению к иной норме права, порождающей охранительное правоотношение. Либо эти действия будут выходить за пределы правового регулирования и не будут относиться к содержанию правоотношения.

Следовательно, говорить об абстрактном содержании правоотношения, выраженном в совокупности субъективных прав и юридических обязанностей, не приходится, т. к. данные элементы статуса участников заключены во всем многообразии норм права, обозначающих границы правового поведения. В свою очередь, действия субъектов, имеющие правовое значение, обладают исключительно конкретным единичным содержанием, а все не реализованные права и обязанности составляют правовые возможности развития правоотношений. Совершение действий, урегулированных иными нормами права, в т. ч. охранительными,

²⁷ Марченко М. Н. Теория государства и права. М., 2004. С. 332–333.

²⁸ Иоффе О. С. Указ. соч. С. 59–64.

²⁹ Певзнер А. Г. Понятие гражданских правоотношений и некоторые вопросы теории субъективных гражданских прав. М., 1958. Вып. 5. С. 13–16.

³⁰ Советское гражданское право. В 2 т. Т. 1 / Под ред. О. А. Красавчикова. С. 72–73.

лишь демонстрирует динамику развития правоотношений, которые сами по себе являются конкретными, т. е. протекают между известным кругом лиц в определенный момент времени.

Таким образом, вне зависимости от понимания категории содержания правоотношений, можно отметить их непротиворечивость признаку организационных отношений. Вдобавок нужно отметить повсеместное наличие организационных норм, в рамках различных нормативно-правовых актов, при этом организационные отношения могут существовать и в отсутствие четко сформулированных законодательных предписаний, что явствует из различных трактовок содержания отношений, которое может быть представлено фактическими правомерными действиями сторон.

Так, например, гл. 9.1 ГК РФ лишь в общем виде регулирует наиболее важные аспекты проведения и условия действительности собраний. При этом, очевидно, что в отсутствие специального регулирования, процедура проведения собраний законом не установлена, следовательно, можно предполагать наличие организационных отношений в отсутствие детализированных норм законодательства.

Применительно к ФЗ «О контрактной системе», можно отметить наличие детально урегулированных процедур заключения контрактов, однако, несмотря на обилие норм права, имеется обширная практика разрешения спорных ситуаций судебными органами, при этом далеко не всегда суд руководствуется прямым указанием закона, что, тем не менее, не умаляет необходимости завершить юридический состав организационного отношения. Так, например, суды и надзорные органы руководствуются выработанными правоприменительной практикой правилами, не указанными в ФЗ «О контрактной системе», при решении не указанных в законе вопросов о включении уклонившегося лица в реестр недобросовестных поставщиков³¹, при подтверждении добросовестности участника³².

Об организационной природе ФЗ «О контрактной системе» может говорить содержание порождаемых им отношений. Так, например, контракт, заключаемый в результате проведения закупочных процедур, несомненно, порождает имущественное отношение, для его заключения необходимо соблюдение установленных законом процедур, главное назначение которых – накопление юридических фактов фактического состава. Тем самым создаются предпосылки для заключения контракта (например, п. 1 ст. 34 гласит, что контракт заключается на условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки, документацией о закупке, заявкой, окончательным предложением участника закупки, с которым заключается контракт), отсутствие которых не позволяет породить имущественное отношение.

Тем не менее, в судебной практике встречаются примеры, когда согласованные в рамках проведения закупочных процедур условия не совпадают с фактическими особенностями исполнения основного отношения. Так, в постановлении арбитражного суда Волго-Вятского округа по делу о взыскании оставшейся части долга по обязательству о выполнении работ было отмечено, что, несмотря на то, что изначально контракт был рассчитан на уплату твердой суммы денежных средств, выявление факта применения к подрядчику упрощенной системы налогообложения исключает его из перечня субъектов – плательщиков налога на добавленную стоимость. Тем самым, несмотря на то, что сумма контракта была согласована в большем размере, суд подтвердил правомерность действий заказчика в части исключения размера налога, который, несмотря на отражение его в сумме контракта, не входит в стои-

³¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28 июля 2015 г. по делу № А55-25688/2014. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

³² Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 августа 2015 г. по делу № А06-11345/2014. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

мость работ, следовательно, его уплата повлечет за собой неосновательное обогащение подрядчика³³.

В иных случаях пороки процедуры также способны оказать существенное воздействие на возникшее имущественное отношение. Так, по одному делу суд признал обоснованным применение санкций к подрядчику, который совместно с заказчиком изменил закупочную документацию, содержащую ошибки, несмотря на отсутствие формальной процедуры изменения контракта³⁴. В другом деле было подтверждено право заказчика восполнить отдельные недостающие обязательные условия контракта непосредственно из закона и закупочной документации³⁵.

Получается, что содержание имущественного отношения в отдельных случаях может противоречить содержанию организационного отношения, содержащего все юридические факты фактического состава. Тем самым нарушается имманентная опосредующая связь данных правоотношений, нарушается законность принятия решений, имущественное отношение продолжает свое существование в искаженном виде, теряется смысл существования закупочного законодательства. В связи с изложенным представляется, что выявление подобных противоречий недопустимо, необходимо либо официально восполнять недостатки путем внесения изменений в документацию и контракт, либо прекращать уже существующие отношения как несоответствующие процедуре их возникновения.

Сами по себе нормы ФЗ «О контрактной системе» содержат в себе малое число регулирующих собственно имущественные отношения (например, п. п. 5, 6 ст. 34, устанавливающие особенности, размер уплаты неустойки). Если вычесть сугубо административные предписания, касающиеся планирования, мониторинга и контроля закупочной деятельности, то основная масса норм обращена как раз к особенностям проведения закупок. При этом отношения, порождаемые ими, сами по себе не влекут последствий имущественного содержания, для этого требуется завершить накопление юридических фактов фактического состава, позволяющего, с одной стороны, завершить организационное отношение, с другой, породить правообразующий юридический факт.

В период 2012–2014 гг. для удовлетворения государственных нужд было проведено соответственно 11 918 602, 14 576 282, 6 800 039 способа размещения заказов, по результатам которых заключено 11 853 114, 14 515 651, 6 691 999 контрактов³⁶. Получается, что, несмотря на высокую степень корреляции организационных и имущественных отношений, далеко не все случаи размещения заказов заканчиваются заключением контрактов. Однако мы не можем утверждать, что состоявшиеся отношения не имели характер правовых или что они не являлись самостоятельными. Мы наглядно видим содержание отношений, выражающееся в последовательном накоплении юридических фактов, однако не влекущее последствий отраслевого характера. Получается, что данные правоотношения не являются имущественными, однако обладают определенной самостоятельностью, что не позволяет относить их к разряду гражданско-правовых или административных.

О самостоятельном организационном содержании отношений, связанных с осуществлением закупочной деятельности, существующем независимо от имущественных отношений, говорит и то, что, если по результатам проведения закупочных процедур не было подано

³³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18 августа 2014 г. по делу № А82-3316/2013. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

³⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 июня 2015 г. по делу № А26-8611/2014. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

³⁵ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 января 2015 г. по делу № А56-36250/2014. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

³⁶ Федеральная служба государственной статистики: показатели закупочной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (дата обращения: 22.02.2015).

ни одной заявки, либо они признаны не соответствующими условиям документации, то заказчик признает процедуру не состоявшейся и вносит изменения в план-график (п. 4 ст. 71, п. 4 ст. 79, ст. 92 ФЗ «О контрактной системе»). Данные положения, с одной стороны, позволяют отметить раздельный режим существования имущественных и организационных отношений, с другой – полную самостоятельность существования последних, т. к. заказчик действовал в рамках правоотношений³⁷, не обладающих ярко выраженной отраслевой природой и по независящим от него причинам не смог завершить формирование юридического состава, достаточного для возникновения имущественного правоотношения.

С другой стороны, ФЗ «О контрактной системе» прямо ограничивает длительность организационных отношений возможностью обжалования действий уполномоченных лиц. Так, п. п. 3–6 ст. 105 указывают на срок административного обжалования действий, и, самое важное, обжалование действий организаторов допускается в установленный законом период и не позднее даты заключения контракта. Тем самым правоотношение прекращается, а возникшее на его основе имущественное отношение получает некую гарантию стабильности. Однако закон строго не ограничивает сроки судебного обжалования действий организаторов, что может в будущем разрушить имущественные связи, тем самым имеется негативное пересечение двух видов отношений: организационных и собственно имущественных. С практической точки зрения, для повышения стабильности гражданского оборота целесообразно на законодательном уровне разграничить оба вида отношений путем прямого указания сроков обжалования действий заказчика не только в административном, но и в судебном порядке.

По мнению В. В. Груздева, судебная практика исходит из того, что обжалование торгов в соответствии с ГК РФ основывается на применении судами правил об оспоримых сделках, а вместе с этим используются сокращенные сроки исковой давности³⁸. Теоретически, ст. 2 ФЗ «О контрактной системе» позволяет применять положения ГК РФ и практику его применения. Судебная практика признает частичное применение ГК РФ к контрактным отношениям в части ничтожности сделок, заключенных с нарушением требований закона (п. 9)³⁹.

Однако мы уже заметили, что обжалование действий уполномоченных лиц ограничено периодом времени (п. п. 3–6 ст. 105), также сокращен срок исковой давности по оспариванию решений административных органов (п. 9 ст. 106). Юрисдикционные органы отказывают в расторжении контрактных отношений, если к моменту рассмотрения дела контракт был заключен⁴⁰.

В зависимости от особенностей дела суды мотивируют отказы несущественностью нарушения процедуры торгов, отсутствием их связи с ущемлением имущественных прав, а также необходимостью подтверждения доводов законными основаниями расторжения способов определения контрагента⁴¹. В других делах арбитры указывают на возможность защиты нарушенных прав иными способами за счет лиц, действовавших недобросовестно⁴².

³⁷ Более подробно юридические характеристики данных отношений рассмотрены во пар. 2 гл. 2.

³⁸ Груздев В. В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву: Монография. М., 2010. С. 147–148.

³⁹ Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении п. 9 ч. 1 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Утв. президиумом Верховного Суда РФ 28 сентября 2016 г. // Администратор образования. 2016. № 21.

⁴⁰ Решение Федеральной антимонопольной службы от 31 июля 2015 г. по делу № П-509/15. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

⁴¹ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 17 декабря 2015 г. по делу № А41-38200/15. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

⁴² Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 июля 2014 г. по делу № А76-3309/2014. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

(надо полагать, за счет возмещения убытков заказчиком, не принявшим во внимание наличие спора в суде, допустившим заключение контракта с иным контрагентом). Также суды вообще отказывают в защите прав со ссылкой на отсутствие возможности восстановить нарушенное право, попранное в рамках проведения закупочных процедур, так как заказчик уже заключил контракт с иным контрагентом⁴³.

Получается, что имеет место узаконение противозаконных действий путем формальной констатации факта заключения контракта. Более того, при решении вопроса о признании торгов недействительными суды руководствуются общими положениями ГК РФ (ст. 449)⁴⁴, и это несмотря на наличие ФЗ «О контрактной системе», который содержит весьма скудное основание недействительности определения контрагента: нарушение положений главы закона по иску заинтересованных лиц (ст. 47). Однако, как мы выяснили, судьи признают разнообразные нарушения незначительными, ссылаются на невозможность защиты прав ввиду наличия контрактных отношений. В связи с этим ФЗ «О контрактной системе» должен содержать строгие основания прекращения контрактных отношений.

Таким образом, содержанием организационного отношения в рамках контрактной системы является упорядочение основного отношения путем накопления необходимой совокупности юридических фактов. Различные трактовки понятия содержания правоотношений не противоречат концепции организационных отношений. Более того, в отдельных случаях имеется судебная регламентация отношений на основании правил, выработанных правоприменительной практикой, при отсутствии норм закона. Последнее нарушает логику построения закупочного законодательства и негативно влияет на законность, т. к. нарушается строгая детерминация организационного и имущественного отношения.

Самостоятельность содержания организационных отношений проявляется в их автономном существовании: далеко не все из них влекут возникновение имущественных отношений, что наглядно показывают данные статистики. Имеется пресекательный период для защиты прав: после заключения контракта оспорить действия заказчика практически невозможно, также как и восстановить право, нарушенное в рамках организационного правоотношения, т. к. это приведет к нарушению существующего имущественного отношения. Несмотря на наличие ФЗ «О контрактной системе», вопрос о точных основаниях оспаривания процедур определения контрагентов не был разрешен, данный пробел легализует правонарушения, допущенные в период организационных отношений, что приводит к невозможности защиты прав заинтересованных лиц.

⁴³ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 ноября 2015 г. по делу № А21-4604/2015. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁴ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 27 октября 2015 г. по делу № А60-33116/2015. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

§ 3. Особенность объекта правоотношения как признака организационных отношений в рамках контрактной системы удовлетворения государственных и муниципальных нужд

Второй признак организационных отношений – особенность их объекта. Вне зависимости от различных трактовок понимания категории объекта, О. А. Красавчиков рассматривал его как то, на что направлено общественное отношение. Таким образом, объектом организационного отношения является упорядоченность отношений, связей, действий участников организуемого отношения⁴⁵.

Представляется необходимым проанализировать данные положения. Категория объекта правоотношения с давних пор исследовалась именитыми учеными. Еще Г. Ф. Шершеневич утверждал наличие объектов права двух разновидностей: вещи и действия других лиц. Однако его интерпретация поведения людей как объектов правоотношения носит сугубо частноправовой имущественный характер, ибо, по его мнению, действия должны носить характер экономических услуг – если они лишены экономической ценности, то не могут быть объектом права⁴⁶.

С. С. Алексеев указывал на недопустимость столь широкого понимания категории объекта отношения со ссылкой на опасность отождествления их с категорией содержания правоотношений, т. к., с одной стороны, содержание может выражать действия сторон, с другой – объект тоже может содержать в себе действия. В результате чего автор приходил к выводу, что объектом правоотношения являются различные, материальные и нематериальные блага⁴⁷. Однако, применительно к концепции организационных отношений, как было выяснено, их содержание не позволяет относить их к связям, порождающим отраслевые отношения, т. е. в них нет ни имущественных, ни неимущественных благ. Они направлены на накопление установленного законом юридического состава, порождающего иное отношение. Получается, что они ориентированы исключительно на поведение участников. Тогда возникают закономерные вопросы: что понимать под благом, а также являются ли благом действия участников? Например, В. В. Лазарев к нематериальным благам относил жизнь, здоровье, честь и пр.⁴⁸ Представляется, что действия сторон не охватываются содержанием нематериальных благ.

Исходя из позиции С. С. Алексеева, получается, что действия участников не относятся к объекту отношений, тогда как, объясняя феномен организационных отношений, не обладающих подобной субстанцией, получается, что мы имеем дело с правоотношением, лишенным объекта. Представляется, что автором изначально было неверно истолковано соотношение категорий объекта и содержания отношений. Так, если содержание отношений в различных трактовках понимается как субъективные права и обязанности сторон, или как их фактическая реализация, то объект отношения не имеет столь выраженной конкретизации, он более абстрактен и охватывает поведение сторон вообще, безотносительно совершаемых ими действий, однако, объект включает в себе и определенный ориентир, конечный результат к которому должен прийти стороны.

⁴⁵ Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения. С. 162.

⁴⁶ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. В 4 т. Т. 3. М., 1910. С. 588–595.

⁴⁷ Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2. С. 155–159.

⁴⁸ Лазарев В. В. Указ. соч. С. 190.

Уместно упомянуть плюралистическую природу объекта правоотношения, отмеченную в трудах А. В. Мицкевича⁴⁹, В. В. Лазарева⁵⁰, Л. А. Морозовой⁵¹ и других авторов, в которых наряду с различными благами фигурируют и действия участников. Стоит только оговориться, что плюралистический характер объекта правоотношения не означает постоянное наличие в его составе всех элементов (благ и действий) – в рамках различных видов правоотношений отдельные элементы могут вовсе отсутствовать, в других, наоборот, превалировать. Подобная асимметрия наблюдается именно в рамках организационных отношений. Если рассматривать ФЗ «О контрактной системе» с этих позиций, то подобный объект отношений проявляется всюду. Например, нормы главы второй целиком посвящены регламентации действий заказчика при планировании закупок, нормы главы третьей в еще более детальном виде определяют действия участников отношений уже при осуществлении закупочных процедур, в т. ч. и действия участника закупок.

До момента заключения контракта, материальный объект отношений представлен в виде ориентира (имущественное отношение), который по мере совершения процедур теряет свою абстрактность, также как и действия сторон, которые направлены на совершение поведения, с которым закон связывает желаемое ими возникновение, изменение и прекращение правоотношений. В отличие от организационных действий, которые повсеместно представлены в поведении различных участников, материальный объект отношения появляется на завершающем этапе, при этом конкурентный характер процедур допускает его наличие исключительно в отношениях с их победителем. В этот момент можно говорить о завершении формирования юридических фактов организационного отношения и о начале существования нового имущественного правоотношения.

Состояние упорядоченности отношений, связей, указанное О. А. Красавчиковым в качестве объекта организационных отношений, требует проведения общетеоретического анализа.

По мнению В. В. Лазарева, состояние упорядоченности общественных отношений, основанное на строгом и неуклонном соблюдении норм права всеми их участниками, представляет собой феномен правопорядка⁵². Данное состояние, по мнению С. С. Алексеева, является итогом правового регулирования⁵³.

Применительно к объекту правоотношения, организационного в частности, стоит отметить, что нами было подмечено, что объект отношения, будучи абстрактной категорией, содержит в себе элемент идеальной модели, к которой стремится воля участников в рамках их участия в правоотношении. Соответственно, коль скоро объект отношения представляет собой ориентир правореализационной деятельности участников, выражающийся в состоянии упорядоченности их отношения (правопорядок), а его предпосылкой является законность, как непереносимое условие его достижения и укрепления⁵⁴, то, получается, что содержание правоотношений, так или иначе представленное правами и обязанностями участников, выступает фундаментальной предпосылкой правопорядка, т. е. законностью.

Законность представляет собой триединое явление, проявляющееся в качестве принципа права, режима общественной жизни, и самое главное – метода, определяющего действия субъектов⁵⁵. В самом общем виде законность можно понимать как строгое и неуклон-

⁴⁹ Проблемы общей теории права и государства / под ред. В. С. Нерсесянца. С. 383–385.

⁵⁰ Лазарев В. В. Указ. соч. С. 190.

⁵¹ Морозова Л. А. Указ. соч. С. 240.

⁵² Лазарев В. В. Указ. соч. С. 218.

⁵³ Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. С. 235.

⁵⁴ Лазарев В. В. Указ. соч. С. 218–219.

⁵⁵ Морозова Л. А. Указ. соч. С. 206–327; Лазарев В. В. Указ. соч. С. 218.

ное соблюдение всеми субъектами права норм позитивного права, т. е. как реализующееся право⁵⁶.

Исследователи советского периода, увы, не уделяли внимания реальным условиям жизни общества и его потребностям. Так, С. Н. Братусь отмечал, что главное в законности и правопорядке – исполнение обязанностей, при этом строгое и неуклонное, в полной мере обеспеченное гарантийными мерами, в первую очередь, мерами юридической ответственности, основанной на реальности и неотвратимости государственного принуждения⁵⁷. Как справедливо отмечает Н. И. Матузов, подобные формулы неприемлемы для свободного демократического общества⁵⁸. Еще Г. Ф. Шершеневич предостерегал, что реализация норм права не должна превращаться в механический процесс, совершенно оторванный от реальной жизни⁵⁹.

Приложение обозначенных теоретических положений находит свое выражение в плоскости принципов законности⁶⁰. Проиллюстрируем основные из них на примере норм ФЗ «О контрактной системе» в ключе понимания законности как метода реализации права субъектами отношений. Нужно заметить, что, несмотря на довольно детальное регулирование многих вопросов, сам принцип законности не нашел прямого закрепления в ФЗ «О контрактной системе».

Единство проявляется в установлении одинаковых требований ко всем субъектам отношений, в первую очередь, к заказчикам. ФЗ «О контрактной системе» устанавливает единую систему принципов контрактной системы (ст. 6), одинаковые для всех требования составления и исполнения планов (гл. 2), общие способы и порядки осуществления закупочных процедур (гл. 3). Применительно к участникам закупок, единство статуса проявляется, например, в установлении единых требований к ним (ст. 31), однако режим содержит некоторые привилегии для отдельных категорий участников (ст. ст. 28, 29, 30), а также в равных возможностях обжалования действий организаторов (ст. 105).

Судебная практика содержит ряд примеров нарушения единства как принципа законности и как принципа ФЗ «О контрактной системе». Так, п. 3 ст. 2 дает субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям право в соответствии со своей компетенцией принимать правовые акты по предмету регулирования ФЗ «О контрактной системе» (п. 1 ст. 1). Однако по прошествии малого периода времени имеется практика признания недействующими подобных актов. Так, некоторые субъекты РФ, предъявляли к исполнителям контракта дополнительные требования в виде отсутствия долгов по уплате налогов как условие оплаты товаров (работ, услуг)⁶¹, либо устанавливали обязательность проведения централизованных закупок в отношении государственных заказчиков субъекта РФ⁶². В других случаях устанавливались повышенные требования к банкам, правомочным выдавать банковские гарантии в качестве обеспечения авансирования⁶³. Отменяя данные правовые акты, суды отмечали, что возможности правотворчества на уровне субъектов РФ, а также в муни-

⁵⁶ Матузов Н. И., Малько А. В. Указ. соч. С. 217.

⁵⁷ Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. С. 6, 81, 118, 198.

⁵⁸ Матузов Н. И., Малько А. В. Указ. соч. С. 217.

⁵⁹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. В 4 т. Т. 4. М., 1910. С. 714–716.

⁶⁰ Морозова Л. А. Указ. соч. С. 331–334; Матузов Н. И., Малько А. В. Указ. соч. С. 218–221; Лазарев В. В. Указ. соч. С. 222–224.

⁶¹ Определение Верховного Суда РФ от 17 декабря 2014 г. № 67-АПГ14-15. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс»; Определение Верховного Суда РФ от 17 декабря 2014 г. № 67-АПГ14-9. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

⁶² Определение Верховного Суда РФ от 17 декабря 2014 г. № 67-АПГ14-10. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

⁶³ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 июня 2014 г. по делу № А56-54795/2013. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

ципальных образованиях возможны лишь в случае прямого указания на то в федеральных законах, тем самым федеральный законодатель существенно ограничивает возможности правового регулирования данных отношений на иных уровнях.

Таким образом, фактически, ФЗ «О контрактной системе» не оставляет правотворческих полномочий субъектам и муниципальным образованиям, запрещая каким-либо образом влиять на статус участников отношений. Все сводится к довольно таки номинальным полномочиям по разработке информационной системы (п. 7 ст. 4), включению дополнительной информации в планы (п. 3 ст. 17), установлению перечня случаев обязательного общественного обсуждения (ст. 20) и пр.

Нередко заказчики устанавливают дополнительные, не указанные в законе требования к участникам, например, в части членства в саморегулируемой организации⁶⁴, однако в ряде случаев, со ссылкой на необходимость достижения результатов (специфика материального объекта), сложившуюся на рынке деловую практику, а также ответственность за результативность заказа, суды указывают на непротиворечивость данного условия действующему законодательству⁶⁵. Встречаются случаи, когда суд, например, признает личное исполнение контракта не требованием к участнику, а способом и порядком его исполнения⁶⁶. Интересно, что попытки контролирующих органов установить определенный уровень специализации, связанный со спецификой товара, приводит к отмене подобных решений⁶⁷. Представляется, что наличие изъятий в правовом регулировании, порожденных правоприменительной практикой, искажает режим законности.

Недопустимость противопоставления законности и целесообразности. Закон, будучи выражением высшей государственной целесообразности, прямо устанавливает правила поведения субъектов отношения, допуская возможность целесообразных поступков исключительно в рамках действия закона. Это проявляется, например, в строгих правилах выбора способов определения поставщиков (ст. ст. 24, 48, 72, 83, 93). В то же время, ФЗ «О контрактной системе» дает заказчику некоторую, определенную законом самостоятельность, например, при определении начальной (максимальной) цены контракта за счет указания возможных источников информации о ценах (п. 18 ст. 22).

Однако, как мы продемонстрировали ранее, правоприменители допускают целесообразные решения, нарушающие закон. Вдобавок к этому в литературе порой описываются случаи более чем необоснованных требований контролирующих органов к заказчикам в части товаров и оборудования, с которыми предстоит трудиться работникам последнего⁶⁸. Получается, что подобные факты, в случае их «легализации» юрисдикционными органами, искажают содержание правоотношения, посредством отклонения от изначально предписанного нормами права объекта отношения, закрепляющего идеальную модель их развития. Тем самым, посредством накопления деформированных отношений, страдает соблюдение общей законности применения закупочного законодательства.

Неотвратимость наказания за нарушение законности. ФЗ «О контрактной системе» еще в общих положениях содержит принцип профессионализма заказчика и связанный с

⁶⁴ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2015 г. по делу № А60-39818/2014. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

⁶⁵ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 января 2015 г. по делу № А56-36250/2014. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

⁶⁶ Определение Верховного Суда РФ от 4 августа 2015 г. № 306-КГ15-8173. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

⁶⁷ Определение Верховного Суда РФ от 30 июля 2015 г. № 306-КГ15-8017. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

⁶⁸ См., например: Воскресенская Е., Клименко С. Свобода заказчика при определении предмета торгов: реалии и перспективы. Анализ на примере закупок медицинских изделий [Электронный ресурс] // Конкуренция и право. 2013. № 4. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

ним принцип ответственности за результативность обеспечения публичных нужд, что предполагает персональную ответственность должностных лиц. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) в главе седьмой имеется ряд составов, призванных обеспечить неотвратимость ответственности виновных лиц. С другой стороны, лица с которыми заключен контракт, в соответствии с ФЗ «О контрактной системе» несут ответственность за сроки соблюдения обязательств (ст. 34), в т. ч. за недобросовестное исполнение, участники закупок также несут ответственность в рамках неблагоприятных последствий за свои действия, например, за порядок, содержание и сроки подачи заявок на участие в процедурах определения поставщика.

В то же время, правоприменительная практика порою демонстрирует принятие противоположных решений по схожим вопросам, нередко отсутствуют четкие критерии применения санкций к нарушителями⁶⁹.

Тем самым, обеспечивая исполнение прав и соблюдения обязанностей (содержание правоотношения), участники отношений обеспечивают законность как режим функционирования всей контрактной системы. Однако изучение базовых принципов законности показывает, что в рамках каждого из них имеются серьезные проблемы, что снижает интегральную оценку законности применения закупочного законодательства.

Возвращаясь к правопорядку как итогу существования правоотношения и как цели существования закупочной системы, стоит отметить, что правопорядок есть качественная категория, производная от реализации законности⁷⁰. Как уместно отмечают В. В. Лазарев, Н. И. Матузов, позитивное право есть предпосылка реализации законности, соблюдение режима которой позволяет достигнуть состояния упорядоченности отношений⁷¹. Таким образом, само по себе наличие ФЗ «О контрактной системе» есть не более чем первый шаг на пути достижения целей правового регулирования. Лишь обеспечение реализации принципов и гарантий законности позволит правопорядку быть прочным. Кроме того, можно отметить тесную связь содержания организационного отношения как выразителя законности, которое, будучи основанным на нормах позитивного права, направлено на объект отношения, в свою очередь связанного с правопорядком. Следовательно, обеспечение функционирования центрального элемента обозначенной схемы (законности) позволит добиться реализации не только организационных отношений, но и закупочной системы в целом.

Получается, что объектом организационных отношений одновременно является как идеальная модель поведения участников, на достижение которой развивается содержание правоотношения, так и имущественное отношение, включающее материальный объект, в виде ориентира развития организационного отношения.

Изучение трактовок содержания и объекта организационного правоотношения позволяет прийти к выводу о том, что они соотносятся как законность и правопорядок, т. е. как определенные элементы процесса реализации публичных интересов. Однако в рамках изучения принципов законности, на примере норм ФЗ «О контрактной системе» и практики их применения, мы выяснили, что их соблюдение не является повсеместным, правоприменительная практика порой нарушает их в угоду целесообразности. Данные обстоятельства, несомненно, будут снижать эффективность закупочной системы в целом ввиду наличия и накопления подобных противоречий.

⁶⁹ Подробно проблемы применения ответственности к участникам закупок рассмотрены в пар. 3 гл. 2

⁷⁰ Проблемы общей теории права и государства / под ред. В. С. Нерсисянца. С. 477.

⁷¹ Лазарев В. В. Указ. соч. С. 220–221; Матузов Н. И., Малько А. В. Указ. соч. С. 216.

§ 4. Цель правоотношения как признак организационных отношений в рамках контрактной системы удовлетворения государственных и муниципальных нужд

Третий признак организационных отношений – цель. В данном случае О. А. Красавчиков ставил вопрос о непосредственной цели организационного отношения. Может ли она совпадать с целью организуемого отношения? Ведь на первый взгляд может показаться, что организация, не будучи самоцелью отношений, позволяет говорить о тождестве цели организационного и организуемого (основного) отношений. Сам автор концепции отмечал, что конечная цель обоих отношений действительно одинаковая. Применительно к контрактной системе, она может проявляться в удовлетворении материальных и иных потребностей заказчиков, однако непосредственная (ближайшая) цель организационных отношений несколько иная – упорядочение, организованность (нормализация) акта, процесса по передаче имущества, выполнению работ и оказанию услуг⁷².

Однако, как быть, если организационное отношение уже прекращено, а основное находится в процессе исполнения, действительно ли их цели могут совпадать, насколько правомерно дифференцировать цели правоотношений на различные классы с точки зрения времени достижения, а затем ставить вопрос об их тождестве? Представляется, что ответ на данный вопрос можно получить путем теоретического исследования целей позитивного права и цели правоотношений.

Нередко в литературе поднимаются вопросы о понятиях цели и интересов в праве и правоотношениях. Так, дореволюционное и советское законодательство в качестве целей закупочной деятельности устанавливало защиту государственных интересов⁷³. По мнению И. В. Першиной, такие понятия как цель, интерес, потребность, деятельность нередко характеризуются как синонимы и определяются друг через друга⁷⁴, в т. ч. применительно к правовой сфере. Для разграничения конечных и оперативных целей, публичного и частного интереса в правоотношениях необходимо произвести анализ литературы.

Еще Р. Иеринг отмечал, что в основе субъективного права лежит интерес, т. е. выгода, даруемая правом, а также иск, как средство ее защиты. Тем самым, производился вывод о том, что право есть юридически защищенный интерес, в котором и заключена цель права⁷⁵. Однако его теория объясняет исключительно субъективные права, оставляя вне рамок такие аспекты как интерес, выраженный в позитивном праве, в компетенции. Не определено, как абстрактная принадлежность права может реализовывать интересы его обладателя.

Понятие интереса нередко сводят к различным благам, выгоде, пользе от различных объектов. Однако, интерес, будучи отождествленным с благом, лишается своего объекта, т. е. имеет целью самого себя⁷⁶. Иными словами, интерес становится самоцелью⁷⁷, в то время как целью должно быть удовлетворение повлекших интерес потребностей. С другой стороны,

⁷² Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения. С. 162–163.

⁷³ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 2. М., 2002. С. 59–60.

⁷⁴ Першина И. В. Интерес в праве: автореф. дис. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 9, 15.

⁷⁵ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. В 4 т. Т. 3. С. 602–603.

⁷⁶ Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. М., 2002. С. 22.

⁷⁷ Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М., 2007. С. 264.

интерес выступает в качестве побудителя, ориентира и регулятора деятельности, и, будучи частью последнего, обеспечивает переход субъективного в объективное бытие⁷⁸.

И. В. Першина признает за правом нормативно закрепленный государственный интерес, который лишь при определенных обстоятельствах может совпадать с частным интересом. В то же время она отмечает невозможность сведения интересов к совокупности потребностей, ибо порождаемые потребностью интересы могут быть различные, т. к. субъект должен иметь право выбора. Исходя из предложенных ей концепций интереса, соответственно: объективная, предполагающая наличие интереса в социальной реальности, вне зависимости от его осознания субъектом; субъективная, опосредующая его деятельностью сознания; различные смешанные концепции⁷⁹, стоит отметить, что, применительно к контрактной системе, ФЗ «О контрактной системе» является выразителем исключительно публичных интересов, о чем свидетельствует ст. 1, где отмечается, что система функционирует в целях повышения эффективности, результативности, обеспечения гласности и прозрачности, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере закупок. При этом в легальном определении контрактной системы не раз подчеркивается, что она направлена на обеспечение публичных нужд (ст. 3). А ст. 13 прямо перечисляет цели осуществления закупок: исполнение программ развития, международных обязательств, а так же функций и полномочий органов власти.

Однако в первом случае законодатель прямо употребляет термин цель, во втором – подразумевает потребности, в третьем – опять говорит о целях. Что свидетельствует о непонимании таких категорий как цель, потребность, интерес. Представляется, что обозначенные концепции интереса не могут в полной мере отразить специфику проявления данных категорий в рамках функционирования позитивного права, государственных органов. Во-первых, если право выражает публичный интерес соответственно потребности государства, которое и создает позитивное право как механизм их удовлетворения, то насколько правомерно говорить об интересе в рамках правоотношений заказчик-поставщик, ведь для заказчика участие в закупках обусловлено ни в коей мере не потребностью, а необходимостью в силу закона, наличия у него компетенции. Кроме того, справедливо отмечено, что органы власти не имеют собственного интереса, отличного от интересов государства в целом, хотя они и выступают в качестве заказчика от собственного имени⁸⁰.

Нам представляется, что аналогичное суждение можно высказать и в отношении публичных юридических лиц, таких как бюджетные, автономные, казенные учреждения, унитарные предприятия, т. к. в соответствии со ст. 15 ФЗ «О контрактной системе» на них распространяются положения, установленные законодательством о контрактной системе, кроме того, в соответствии со ст. 123.21 ГК РФ, ст. ст. 9.1, 9.2 Федерального закона от 12 января 1996 г. «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ⁸¹, ст. 2 Федерального закона от 03 ноября 2006 г. «Об автономных учреждениях» № 174-ФЗ⁸², ст. 8 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» № 161-ФЗ⁸³, данные организации, по сути, берут на себя выполнение функций публично-правовых образований, действуют на основании уставных документов, во исполнение интересов учредителей. Кроме того, ст. ст. 294–300 ГК РФ закрепляют за ними лишь ограниченные вещные права на имущество учредителей.

⁷⁸ Першина И. В. Указ. соч. С. 6, 9.

⁷⁹ Там же. С. 14, 16, 18.

⁸⁰ Андреева Л. В. Закупки товаров и энергосервисных работ для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. М., 2011. С. 20.

⁸¹ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

⁸² СЗ РФ. 2006. № 45. Ст. 4626.

⁸³ СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

Во-вторых, насколько правомерно использовать категориальный ряд, основанный на исследовании психологии человека, тогда как заказчики, в т. ч. публично-правовые образования, органы власти, публичные юридические лица, по сути своей, являются юридической фикцией. Говорить о народной воле можно лишь постольку, поскольку граждане реализуют свое активное избирательное право, в остальных случаях имеется выраженная в праве воля государственной бюрократии.

В свете данных аргументов уместно отметить, что категория потребности воспринимается как неотъемлемый признак живого организма, а интерес – потребность особого рода, связанная с интеллектуальной деятельностью человека как социального существа⁸⁴. Соответственно, потребность как особое качество физических лиц как субъектов права и правоотношений не вписывается в рамки позитивного права в целом, контрактной системы в частности, т. к. потребность – взаимодействие организма с внешней средой. В связи с этим, можно не согласиться с мнением И. В. Першиной, отмечающей, что структурными элементами интереса являются в т. ч. и потребности, в конечном счете формирующие интерес⁸⁵, т. к., например, производя закупку товаров для нужд населения, заказчик, действуя в силу компетенции по закону, либо на основании учредительных документов, в конечном счете удовлетворяет потребности населения, а не свои собственные потребности и интересы, ибо, с одной стороны, он не является физическим лицом, с другой – у него отсутствует свобода выбора. Применительно к проиллюстрированному примеру, можно утверждать, что потребности граждан являются предпосылкой формирования публичных интересов и в то же время конечным результатом их реализации. Следовательно, применительно к заказчику проблематично утверждать наличие у него собственных интересов и тем более потребностей. Иными словами, мы не отрицаем, что потребности есть предпосылка интересов общества, которые формируют публичный интерес, мы всего лишь хотим донести мысль о том, что необходимо отличать потребности и интересы общества и интересы государства, которое не обладает потребностями в силу бестелесности своего существования, неживой природы происхождения.

В силу того, что ФЗ «О контрактной системе» регламентировал процедуры для заказчиков всех уровней, на что указывают цели осуществления закупок (ст. 13) – общие для заказчиков всех уровней принципы единства контрактной системы (ст. 11), – то и интересы федеральные, субъектов федерации, муниципальных образований, публичных юридических лиц едины, но не в плане тождества потребностей, а в ключе однородности отражаемых правом интересов различных групп населения, от малого муниципального образования, до многонационального народа в целом. Естественно, что на реализацию всех интересов не могут быть направлены усилия всех и каждого из заказчиков, наличие между ними отношений по межеванию предметов ведения, компетенции, обуславливает узкоспециализированную направленность их деятельности, что ни в коем случае не приводит к разделению интересов. Однако здесь мы говорим, с одной стороны, о публичных интересах, т. е. отраженных в нормах права в рамках деятельности органов власти, с другой стороны – социальные интересы: интересы различных социальных групп, индивидов являются эгоистичными, что приводит к противоречию между ними и интересами других групп населения, а также и с «усредненными» публичными интересами. Несомненно, что групповые интересы всегда превалируют над интересами индивидов, интересы больших социальных групп превалируют над интересами малых. Право, будучи субординационной системой, уравнивает интересы обще-

⁸⁴ Андреева Л. В. Закупки товаров и энергосервисных работ для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. С. 9; Михайлов С. В. Указ. соч. С. 14, 15.

⁸⁵ Першина И. В. Указ. соч. С. 15, 26.

ства и устанавливает единые, высшие публичные интересы⁸⁶. Таким образом, в отличие от публичных, социальные интересы не обладают единством.

По большому счету, законодатель, обобщая и суммируя интересы различных социальных групп, общества в целом, выражает их в праве. При этом побудителем интересов общества являются потребности индивидов, на удовлетворение которых и направлено право⁸⁷. Более того, только правовое закрепление интересов позволяет преодолеть их изначальный субъективизм и предать им качество объективной правовой реальности⁸⁸. Однако, представляется, что на определенном этапе у государства может возникнуть собственный интерес, обусловленный не только благими намерениями, но и интересами государственной бюрократии, ведь в конечном счете именно они являются исполнителями публичных интересов, именно они оформляют публичный интерес.

Например, Л. В. Андреева отмечает, что государство может иметь публичный и частный интересы. Первый проявляется в регулировании отношений по использованию и распоряжению государственной собственностью. Второй – в рамках участия государства в рыночных отношениях, в т. ч. через публичных юридических лиц и для закупочных целей. Вид интереса отражает специфику метода правового регулирования⁸⁹.

О проявлении частных интересов у государства упоминал еще Г. Ф. Шершеневич, по его мнению, мы имеем дело с юридической фикцией, но не в плане того, что государство создает субъектов права, а в том, что оно создает субъектов наподобие частных лиц. Однако подобная ширма не способна скрыть властный характер своей природы, что находит свое отражение в подрыве частноправового статуса, как субъектов, так и отношений, в которых они участвуют⁹⁰. Как будет показано в следующей главе, невозможно в рамках реализации т. н. частного государственного интереса утверждать о приоритете частноправового метода регулирования. Кроме того, получается, что особенность метода регулирования дробит понятие интереса, а вместе с ней и государственную волю.

Однако речь идет о другом: закрепляя принципы функционирования контрактной системы, государство устанавливает общесоциальные приоритеты⁹¹: открытость и прозрачность информации, обеспечение профессионализма заказчиков и конкуренции участников, стимулирование инноваций и единство системы, ответственность за результативность размещения заказов, эффективность системы (ст. ст. 6-12 ФЗ «О контрактной системе»).

С другой стороны, государственная (публичная) бюрократия вполне легально, в рамках закона может осуществлять расходование средств в своих интересах путем фактического использования и распоряжения собственностью, приобретенной на бюджетные средства, принадлежность права собственности им не требуется, т. к. это сопряжено с несением бремени его содержания. Тем самым они фактически распоряжаются всей полнотой бюджетных средств⁹², получают возможность преследовать собственную материальную выгоду, не неся никакой ответственности за принятые иррациональные решения⁹³.

⁸⁶ Михайлов С. В. Указ. соч. С. 16–17.

⁸⁷ Першина И. В. Указ. соч. С. 24.

⁸⁸ Михайлов С. В. Указ. соч. С. 17–18.

⁸⁹ Андреева Л. В. Закупки товаров и энергосервисных работ для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. С. 11–12.

⁹⁰ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. В 4 т. Т. 3. С. 540–547.

⁹¹ Першина И. В. Указ. соч. С. 27–28.

⁹² Бутаков А. В. К исследованию новейшей истории российской государственности: Византия история без конца. Омск, 2011. С. 36, 46–48.

⁹³ Белов В. Е. Поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: правовое регулирование. М., 2011. С. 12.

Попытка в максимальной степени регламентировать процедуры, реализовать принцип профессионализма заказчиков ведет к увеличению численности публичных служащих, квалифицированных работников публичных юридических лиц⁹⁴, ведет к увеличению бумажной волокиты. Так, для реализации ФЗ «О контрактной системе» правительство должно выпустить порядка семи десятков подзаконных нормативно-правовых актов⁹⁵. Естественно, что увеличение бюрократического аппарата с огромной структурой, наличием контрольных органов приводит к тому, что система начинает жить собственной жизнью, становится крайне неэффективной (затратной), коррупциогенной. Нормой становится т. н. идеология социального забега, предусматривающая постановку амбициозных целей, принятие нормативных правовых актов с их последующей заменой новыми, содержащими еще более высокие цели и обоснование причин неудач⁹⁶.

Представители административной науки рассматривают вопросы публичных интересов в ключе их противопоставления частным отраслям права. Так, Ю. Н. Старилов отмечает, что административное право, в соответствии с т. н. теорией интересов, служит реализации публичных интересов, при этом роль публичного права сводится к регулированию общественных отношений в области функционирования государства, его органов и служащих⁹⁷. Однако получается, что вся система публичного права функционирует не ради обеспечения стабильности, развития, правопорядка в обществе, а ради самой себя, получается, что автономное понимание публичных, общественных и частных интересов без их опосредования друг другом приводит к тому, что поддержание управленческой системы становится самоцелью.

Увы, именно таким может быть государственный интерес, подвергшийся деградиационному влиянию бюрократической системы. Представляется недопустимым исключать общественный контроль над действиями не только заказчиков, но и законодателей. Интересно, что ФЗ «О контрактной системе» содержит ряд положений об участии общественности. Например, ст. 20 – обязательное общественное обсуждение закупок, увы, предусматривающая бланкетную норму; ст. 102 – общественный контроль, который в соответствии с п. 1 могут осуществлять в т. ч. и граждане, а в соответствии с п. 3 граждане отсутствуют в перечне субъектов, обладающих контрольными полномочиями. Кроме того, ст. 105 не причисляет граждан к субъектам, уполномоченным на подачу жалоб.

И это несмотря на принятие Федерального закона от 21 июля 2014 г. «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» № 212-ФЗ⁹⁸. Интересно, что из текста закона (п. 2 ст. 4, п. 1 ст. 18) количество форм общественного контроля не является исчерпывающим. П. 1 ст. 18 позволяет осуществлять контроль во взаимодействии с органами власти, что, например, не исключает подачу жалоб. П. 1 ст. 3 закрепляет за гражданами право участия в контроле как лично, так и в составе некоммерческих организаций, однако, исходя из дефиниции понятия общественного контроля (п. 1 ст. 4), его могут осуществлять лишь указанные в законе субъекты. К таковым ст. 9 не относит ни граждан, ни некоммерческие организации, отдавая все полномочия общественным палатам (советам) различных уровней. Тем самым в законах имеются все основания для дачи отказа в проведении проверок по обращениям физических лиц, специализированное законодательство не позволяет расширительно и комплексно трактовать ст. ст. 102, 105 ФЗ «О контрактной системе».

⁹⁴ Курц Н. Госзакупки требуют доверия [Электронный ресурс] // ЭЖ-Юрист. 2014. № 15. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁹⁵ Белов В. Е. Планирование в контрактной системе [Электронный ресурс] // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 11. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁹⁶ Бутаков А. В. Указ. соч. С. 54–55, 361, 362.

⁹⁷ Смоленский М. В. Административное право. Ростов н/Д, 2005. С. 59, 60.

⁹⁸ СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213.

Практика применения данных норм подтверждает правильность высказанных суждений, суды отказывают в защите законных интересов субъектам, неуполномоченным на подачу жалоб, мотивируя это отсутствием права обжалования, а также отсутствием защищаемого интереса как такового⁹⁹. Более того, по тем же основаниям можно отказывать в рассмотрении жалоб, поданных и в административном порядке.

Тем самым, государство, представляя интересы граждан, фактически лишает их права самостоятельно и непосредственно контролировать соблюдение своих интересов. Во всяком случае, наличие в рамках публичных интересов существенных отличий между бюрократическими и общесоциальными интересами приводит правовое регулирование к неэффективному результату, так как от соответствия норм права реальным интересам общества зависит благосостояние последнего¹⁰⁰.

Представляется, что государство, будучи искусственным образованием, испытывая потребность в ресурсах, не может иметь потребностей, тем не менее, это не умаляет наличие у него публичных нужд, направленных на поддержание работы органов власти¹⁰¹. Тем самым, в состав публичных интересов, наряду с интересами общества, обусловленными его потребностями, интересами бюрократии, входят и публичные нужды, целевое назначение которых обусловлено исключительно реализацией публичного интереса в целом.

Таким образом, интерес есть осознанная потребность индивидов, общества в различных благах, предусматривающая способ ее реализации. Публичный интерес – выраженные в праве потребности общества, делегировавшего государству обязанности по их выявлению, поиску социального компромисса и реализации. В силу того, что в процессе поиска социального компромисса государство должно обеспечивать правопорядок посредством установления режима законности, то и публичные интересы, реализуясь в форме правоотношений¹⁰², преследуют разнородные, но одновекторные цели.

В виду того, что содержание интереса составляют общественные отношения, а, по мнению С. В. Михайлова, цель интереса не составляет его содержания – она составляет его предмет, т. е. то, на что интерес направлен¹⁰³, то общественные отношения, будучи наполненными правами и обязанностями их участников, представлены во вне в виде деятельности субъектов правоотношения, структурным элементом которой также является цель как неременный атрибут¹⁰⁴, заключающий в себе идеальный образ желаемого результата. Таким образом, цель интереса как абстрактного понятия, отраженного, например, в законе, и цель общественных отношений – понятия не совпадающие. Для характеристики различных целей, отраженных в рамках ФЗ «О контрактной системе», необходимо понять, что представляет собой цель с философско-правовых позиций.

Будучи идеальным образом результатов волевых действий, цель есть в какой-то мере предвосхищенный результат. Тем самым, не стоит подходить к цели с точки зрения ее метафизического понимания как мыслимого результата, предмета интереса, ибо вместе с тем она одновременно является исходным пунктом и двигательной силой волевой деятельности, мощным фактором, направляющим ее¹⁰⁵.

⁹⁹ См., например: Решение Арбитражного суда Свердловской области от 27 октября 2015 г. по делу № А60-33116/2015. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

¹⁰⁰ Михайлов С. В. Указ. соч. С. 34.

¹⁰¹ Андреева Л. В. Закупки товаров и энергосервисных работ для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. С. 20.

¹⁰² Михайлов С. В. Указ. соч. С. 18.

¹⁰³ Михайлов С. В. Указ. соч. С. 21, 22.

¹⁰⁴ Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология: словарь системы основных понятий. М., 2013. С. 25.

¹⁰⁵ Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 372, 373.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.